

**М. Робеспьер**

**Избранные произведения Робеспьера. В 3-х  
томах**

**Том III**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94  
ББК 63.3-8  
М11

М11 **М. Робеспьер**  
Избранные произведения Робеспьера. В 3-х томах: Том III / М. Робеспьер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 327 с.

**ISBN 978-5-458-27621-4**

Первая публикация на русском языке избранных сочинений (статьи, речи, письма) виднейшего деятеля Великой Французской революции М. Робеспьера (1758-1794). Составитель всех трех томов - Альберт Захарович Манфред (1906-1976). В том 3 вошли сочинения периода Якобинской диктатуры (1793-1794).

**ISBN 978-5-458-27621-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«УОУО Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

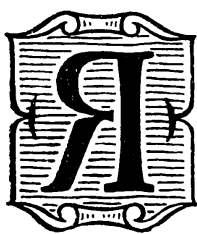
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



---

## О НАКАЗАНИИ ВОЖДЕЙ ЖИРОНДИСТОВ.

Выступление в Обществе друзей свободы и равенства \*  
3 июня 1793 г.<sup>1</sup>



Я попросил слова для того, чтобы напомнить Обществу, что в нем есть изменники, которых следует покарать. Множество патриотов погибло в колониях, и это еще одно из преступлений Бриссо<sup>2</sup>. Мы имеем немало писем депутатов, призывавших к восстанию в департаментах.

## ПРОТИВ МЕР, ПРЕДЛОЖЕННЫХ КОМИТЕТОМ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ.

Речь в Обществе друзей свободы и равенства 8 июня 1793 г.<sup>3</sup>

Проект, о котором идет речь, произвел сильное впечатление на Собрание. Известная партия проявила к нему чрезмерный интерес, заседание намеренно затягивалось — все это, граждане, предупреждает вас о том, что проект такого рода грозит нарушить спокойствие, а оно отныне должно царить в этом Собрании и во всей республике. Достаточно одного лишь этого мотива, чтобы побудить всех честных граждан отказаться от мер, способных лишь вызвать смуту и беспорядки. Нам надо в согласии идти к миру и свободе общества. Не заблуждайтесь, отечество не может дольше терпеть царящий у нас беспорядок. Нашу страну окружают неприятельские армии; нам еще следует опасаться предателей на наших границах; пламя восстаний не потухло внутри республики, и мы должны бояться, как бы оно не вспыхнуло с большей силой. В самом деле, посмотрите, что творится у нас: в Марселе контрреволюция; то же происходит в Бордо; в Лионе аристократия расстреливает лучших граждан. Мы видим, что теперь выступает та же коалиция, о которой мы так часто предупреждали и которая давно уже нарушает спокойствие народа и способствует контрреволюционерам — надо прекратить все раздоры. То, что происходит

\* Речь идет о Якобинском клубе.— *Ред.*

в крупных городах, о которых я говорил, произошло бы в Париже: эти города залили кровью; и если бы не единодушное восстание широких народных масс, аристократия залила бы кровью и Париж (*многие голоса: Да, это был заговор предателей, и народ требовал покарать их... Переписка Барбару свидетельствует об этом*). Сам Конвент признал необходимым это восстание: все честные граждане горячо на него откликнулись. У республики не оставалось другого средства, кроме усилий народа — просвещенного друга свободы, — который своим восстанием сумел подавить все заговоры аристократии.

Так надо ли теперь напоминать о неприятных впечатлениях, которые эти события могли бы породить? Надо ли снова приводить в волнение Париж и давать аристократии возможность использовать смуту для того, чтобы она поднялась после недавно испытанного поражения?

В Париже царит спокойствие. Если вы дадите аристократии возможность, какой-либо предлог укрепить ее силы, если вы, способствуя ее замыслам, бросите в нашу среду новые семена раздора, тогда она дерзко поднимет голову, и вы можете попасть в то положение, которое вам угрожало перед 31 мая.

Оставьте же все, как есть. То, что было совершенно в последнюю революцию, не произвело пагубного действия, кровь не была пролита. Вы все признали принципы и патриотический характер народного восстания; вы видели, что оно было неизбежно, иначе свобода в Париже была бы похоронена, а следовательно навсегда потеряна в остальной части республики, мы бы увидели здесь повторение кровавых сцен, происшедших в Лионе и Марселе.

После того, что произошло, и с тех пор, как в Париже царит порядок, вы не должны больше беспокоиться. Установленные народом власти сумеют поддерживать общественное спокойствие и охранять права и свободу народа. Наоборот, если вы хотите заменить эти власти, вы покажете аристократии, что не одобряете того, что свершил народ, того, что вы сами свершили; вы воскресите надежды недоброжелателей, вы вторично возбудите аристократические секции против народных масс; вы предоставите злонамеренным лицам возможность клеветать на патриотов, подавлять их и снова нарушать общественное спокойствие. Разве в то время, когда у вас не хватает мужества, мудрости и энергии для подавления внешних и внутренних врагов свободы, вы должны пытаться подавлять рвение и даже возбуждение патриотов? Разве в то время, когда повсюду пришли в движение предатели, вы должны упразднить наблюдательные комитеты, революционные комитеты, которые народ, уставший от измен, избрал с целью раскрыть заговоры и противопоставить действенную силу проискам аристократии? Итак, не допускайте, чтобы враги торжествовали победу, а революционное движение народа испытало бы последствия этой победы.

Рассматривайте врагов только в связи с их отношениями с задержанными депутатами, расследуйте их дело, откройте дискуссию, примите против них меры, которые ваша мудрость подскажет вам. Затем издайте закон против иностранцев; не странное ли это дело, что в то время как иностранные державы изгнали всех французов, ограбили их имущество, мы открыли свои объятия всем агентам наших врагов. Создайте же закон об изгнании из нашей страны всех иностранцев, которые могут принести нам вред; пусть этот закон будет более жестоким, чем тот, какой вам предлагает ваш Комитет, ибо этот закон коснется только части иностранцев.

Вот единственные меры из проекта Комитета, которые вы могли бы использовать. Этот проект имеет два других пункта: один касается положения в Париже; я высказал о нем то, что истина и разум диктовали мне, и я не думаю, что вы хотели бы снова начать в Париже гражданскую войну, так счастливо окончившуюся. Другой пункт касается так называемых заложников<sup>4</sup>. Я не думаю, что этот вопрос заслуживает дискуссии. Если, как я того желаю, вы не примете этой меры, остается другой путь, которого следует держаться в указанном мною деле. Нужно, чтобы Комитет общественного спасения был уполномочен энергично идти по этому пути, преследовать тех из ваших членов, которые подверглись обвинению, разъяснять их поведение. Он должен также быть уполномочен принимать меры, способствующие в наибольшей степени торжеству свободы и упрочению общественного спокойствия.

Я кончаю и вношу следующие предложения:

1. Издать закон об изгнании иностранцев.
2. Вернуть обратно проект в Комитет общественного спасения для того, чтобы он представил меры, какие надо будет принять по поводу последствий декрета об аресте части ваших членов.
3. По остальной части проекта вашего Комитета перейти к порядку дня.

*(Аплодисменты большой части Собрания.)*

## О ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ.

Речь в Обществе друзей свободы и равенства 10 июня 1793 г.<sup>5</sup>

В то время, когда судьба французского народа еще не была решена, интриганы пытались захватить управление страной и призывали деспотов на помощь в осуществлении их преступных замыслов. Все честные граждане требовали конституции и опасались, что их желание не сбудется. Наконец, сегодня она декретирована и тем удовлетворены чаяния народа. *(Аплодисменты.)* Мы можем представить миру конституционный кодекс,

бесконечно более высокий, чем все прежние моральные и политические институты; этот труд несомненно мог бы быть доведен до совершенства, но он и теперь уже представляет необходимые основы народного счастья, имеет прекрасную, величественную цель возрождения Франции. А теперь пусть клеветники мечут свои ядовитые стрелы. *Конституция* — вот ответ депутатов-патриотов, ибо она труд Горы. (*Аплодисменты.*)

Таков наш ответ всем клеветникам, всем заговорщикам, обвинявшим нас в том, что мы хотим лишь анархии; мы в свою очередь обвиняем их, ведь интриганы не хотели нашей конституции, но мы ее поддержим, и все друзья свободы сплотятся вокруг этого призыва. (*Аплодисменты.*) Нашлись в Конвенте незапятнанные люди, доказавшие, что хорошие установления создаются не изворотливыми умами интриганов, а народной мудростью; эта конституция родилась среди бурь в течение восьми дней, и она становится центром, вокруг которого народ может сплотиться, не создавая себе новых цепей<sup>6</sup>.

Напрасно друзья интриганов или лица, одураченные ими, требовали, чтобы конституция не была декретирована, чтобы арестованные лица не были возвращены в Конвент. Напрасно они протестовали против этой конституции и даже против всего того, что было сделано во время отсутствия государственных людей — вождей мятежной партии; патриоты шли к своей цели, не обращая внимания на их вопли. Аристократы пришли в замешательство: интриганы не осмелятся продолжать свои вероломные действия, не объявив себя врагами свободы, не доказав, что они хотели бы иметь тирана. В настоящее время нам надо предпринять серьезные меры для общественного спасения, противопоставить непобедимую силу вооруженным врагам, которыми мы окружены. Надо подавить внутренних врагов, особенно опасных своими связями с иностранными деспотами.

Утверждают, будто депутаты, удаленные из Конвента, рассеялись по департаментам, где они раздувают пламя гражданской войны. Утверждают, будто батальоны движутся к Парижу. Не разбирая, обоснованы ли эти слухи или нет, я предлагаю разоблачить эти заговоры, объяснив таким образом общественному мнению истинное положение. Для прекращения деятельности интриганов я укажу лишь одну меру: мы должны беспрестанно стараться разъяснять департаментам то, что произошло; и, несомненно, мы имели бы столько друзей, сколько там есть патриотов, а врагов только среди фельянов<sup>7</sup>, умеренных и администраторов: ведь это та же интрига, которую мы подавили и уничтожили 10 августа. Чтобы разъяснить департаментам то, что произошло, я прошу Общество составить адрес по поводу только что декретированной конституции; пусть в этом адресе оно разовьет свои принципы; пусть затем наши заседания всегда будут посвящены важным вопросам и пусть широкое обсуждение мер общественного спасения и вопросов конституции станет главным в работе Общества.

Я прошу, чтобы между муниципалитетами и народными обществами существовал тесный союз. И пусть теперь же будет составлено обращение к департаментам по поводу счастливого события, которое должно получить одобрение народа и всех друзей свободы.

*(Дюфурни<sup>8</sup> и Шабо прерывают Робеспьера.)*

Я заявляю, что хотел бы обсудить эту конституцию и что не смотрю на нее, как на законченный труд. Я сам добавил бы желательные для народа и недостающие ей статьи. Я прошу лишь составить обращение, которое соответствовало бы обстоятельствам и было бы способно возродить упавший дух общества и ответить на клевету наших врагов.

## О ЧИСТКЕ ГЛАВНЫХ ШТАБОВ АРМИИ И О МЕРАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ.

Речь в Обществе друзей свободы и равенства 12 июня 1793 г.<sup>9</sup>

Я получил подробные сведения о несчастиях в Вандее<sup>10</sup>. Я замечаю, что каждый раз, когда нам сообщают о событиях подобного рода, мы принимаем только одну меру, мы посылаем новые батальоны на бойню... Я замечаю, что никому не приходит в голову сместить генерала, измена которого очевидна<sup>11</sup>. Храбрыми и глупыми — вот какими показали себя до сих пор французы. Притворство и ловкость — вот средства наших врагов. Что должны предпринять люди, уполномоченные спасти республику? Не должны ли они добраться до источника зла и уничтожить заговорщиков?

Народу постоянно твердят: отправляйтесь, отправляйтесь; вы не знаете планов ваших врагов, это планы об уничтожении республики путем внешней и гражданской войны. Они рассчитывали, что через некоторое время не будет в живых ни одного санкюлота и поле боя останется аристократам, мошенникам, врагам свободы. Они рассчитывали, что путем нескольких измен и нескольких прорывов на фронте все патриоты погибнут.

Париж находится между двумя армиями — австрийской и прусской.

Новый Дюмурье пытается взбунтовать нашу армию против Конвента и якобинцев<sup>12</sup>. Нашим войскам дают продвинуться между фронтами, чтобы отрезать им коммуникации. Не подлежит сомнению, что готовят прорыв, чтобы войти в Париж.

Париж — это цитадель свободы; враги атакуют Париж, они стремятся убрать войска из Парижа, чтобы оставить его без защиты.

Я спрашиваю, не надо ли добраться до источника зла; не надо ли восстановить правительство, не надо ли очистить главные штабы армии от всех мошенников Пале Рояля, не надо ли, чтобы в Париже была армия, способная внушить страх всем деспотам. Этой армией должен быть весь народ Парижа.

Если хотят пожертвовать одним за другим всеми защитниками республики, я ничему не буду противиться. Пусть отправляются, если хотят; но я заявляю, что пока Конвент не объединится с народом для спасения народа и пока не развернут все моральные и физические силы, чтобы сокрушить лигу тиранов, замысляющих против нашей свободы, не пройдет и месяца, как вы станете свидетелями возникающих повсюду новых измен. Вы их увидите на севере, в Пиренеях и может быть в Вандее; и тогда напрасны будут ваши усилия противостать возникающим со всех сторон опасностям; вы будете побеждены, вы взойдете на эшафот, и это будет достойной ценой вашей непредусмотрительности и вашей трусости.

*(Дюфурни и Лежандр прерывают Робеспьера.)*

Заявляю, что я никогда не имел намерения подняться против установленных властей. Я совершенно не сомневаюсь в их рвении и преданности народному делу. Что касается присутствия в Конвенте Горы — это средство хорошее, но недостаточное: напрасно мы ежедневно появляемся на Горе, не имея определенного плана. Если бы мы были объединены, если бы наши принципы были согласованы, каждый патриот имел бы доверие к нам, обладал бы энергией, которой у него сейчас нет. Что же касается меня, то я признаю свою неспособность, у меня нет больше необходимых сил для борьбы с интриганами аристократии. Истощенный четырьмя годами мучительного и бесплодного труда, я чувствую, что мои физические и моральные способности не находятся на уровне великой революции, и я заявляю, что подам в отставку...

*(Многие голоса: «Нет, нет».)*

Я предлагаю, чтобы все депутаты-патриоты сплотились в этом Обществе и договорились о средствах общественного спасения. Необходимо сплотиться с твердым намерением противопоставить грозную фалангу объединенным усилиям наших врагов, ибо таковы опасные обстоятельства, в которых мы находимся. Необходимо, чтобы народ развернул все силы, на которые он способен, и чтобы ему содействовали все наиболее чистые и наиболее неподкупные лица для сопротивления его внутренним и внешним врагам. Таковы мои последние соображения. *(Аплодисменты.)*

## О ВОЗЗВАНИИ, ОДОБРЯЮЩЕМ ВОССТАНИЕ В ПАРИЖЕ 31 МАЯ.

Речь в Конвенте 13 июня 1793 г. <sup>13</sup>

Предложение Кутона по своему смыслу уже декретировано всем тем, что вы сделали на этом заседании и на предыдущих <sup>14</sup>, но клеветнические рассказы, распространяемые в департаментах, извращают события, происшедшие в Париже. Для разоблачения этого нового заговора надо под-

твердить предыдущие заявления о том, что Конвент санкционировал названные события. Те, кто противятся этой мере, хотели бы, чтобы он, наоборот, объединился с лицами, клеветующими на Париж.

Если вы хотите, и было бы преступно в этом усомниться, сохранить свободу, единство и целостность республики, вы не колеблясь должны сейчас же принять предложение Кутона. Начать дискуссию по этому вопросу — значило бы разрешить заговорщикам делать с этой трибуны новые заявления против Парижа с присущим им коварством; это значило бы разрешить им подстрекать к гражданской войне, которую они затеяли. Я предлагаю перейти к голосованию.

### О НАЗНАЧЕНИИ БОГАРНЕ ВОЕННЫМ МИНИСТРОМ.

Речь в Обществе друзей свободы и равенства 14 июня 1793 г.<sup>15</sup>

Дурные похождения Бриссо примечательны для эпохи борьбы за свободу не потому, что бывший полицейский агент, случайно попавший в представители народа, сам по себе является важным лицом, а потому, что таковы заблуждения и слабость народа, терпевшего много поколений интриганов, прежде чем прийти к идеям, которые должны обеспечить его политическое благополучие.

Власть Людовика XVI была ничтожной в сравнении с властью, которую узурпировала лицемерная партия, связавшаяся с аристократией, — партия умеренных и фельянов.

Ее нет более; и из того, что она уничтожена, я делаю вывод, что народ восторжествует, надо приблизить к нам царство свободы и равенства; надо, чтобы просвещение и опыт революции преодолели все препятствия и соединились с энергией французского народа. Нам угрожают с двух сторон подводные камни: упадок духа и самонадеянность, крайнее недоверие и еще более опасная умеренность. Между этими двумя опасностями патриоты должны идти к всеобщему счастью.

Рассмотрим наше истинное положение; мы пришли к нему постепенно, так как пороки человечества, которым так долго благоприятствовал деспотизм, не дали нам совершить революцию сразу. Мы уже победили фанатизм; приближается царство народа; настало время, когда честолюбцу надо быть справедливым, когда счастье одного связано со счастьем всех.

Интриганы делают последнее усилие. Мы переживаем большой кризис; пылкость и негодование одни не могут обеспечить нам успех; мудрость должна управлять последствиями этого негодования.

Посмотрите на то, что происходит вокруг нас. С одной стороны, вы видите усилия умирающей партии, с другой — подъем патриотизма, дви-

гающегося гигантскими шагами к великой цели — политическому возрождению.

Генералы совершили большие преступления, причинили большие бедствия; но я вижу мощь просыпающегося народа, возвещающего миру о своей непобедимости. Вот великие мотивы для надежды. Подъем и мощь народа таковы, что все, ничем не запятнанные, люди в Конвенте обрели присущую им энергию. Две недели тому назад мы были поработченными, аристократия господствовала, казалось, что Конвент управляется духом Лондона и Берлина.

Патриоты были под мечом тирании, так было с патриотами Марсея и Лиона. А ныне в их руках меч правосудия, и они поразят им всех врагов свободы.

В то время, когда незапятнанной партии Конвента предстоит преодолеть препятствия, народ должен встать на ее защиту. Ему не следует слушать тех, кто старается внушить ему недоверие ко всем. Необходимо объединиться, необходимо понять, что ни слабости, ни несовершенства человечества не могут служить мотивом для клеветы без разбора на всех представителей нации.

В целом народ прекрасен, отдельные же люди слабы; между тем во время политической грозы, во время революционной бури необходимо объединиться. Народ в массе не может сам управлять страной. Местом объединения должен быть Париж; сюда и надо привести контрреволюционеров, чтобы уничтожить их мечом закона. Тут должен быть центр революции; все, что народ мог требовать, — это, чтобы Конвент действовал в духе революции; он так и поступает теперь.

Можно ли ждать лучших доказательств патриотизма и силы, чем восстание 31 мая, которое уничтожило большую интригу? В этот момент Конвент показал себя, он доказал, что он свободен, и принял парижский народ под свою защиту против тех, кто был введен тиранией в заблуждение. Я спрашиваю, надо ли в этот момент подняться против патриотического Конвента, дело которого связано с делом народа и который нуждается в народе до тех пор, пока на него нападают деспоты?

Я возвращаюсь к тому, о чем мы спорили. Я первый проявил недоверие в отношении знати. Могу заверить, что являюсь одним из самых недоверчивых и меланхолически настроенных патриотов, появившихся после революции. И что же! Заявляю вам, что я с большой печалью смотрю на то, что Бушотт<sup>16</sup> не является больше военным министром. Я никогда не разговаривал с Бушоттом, я никогда не видел его, и все же заявляю, что считаю его человеком в высшей степени талантливым и большим патриотом.

Возможно, что Бушотт обладает в большей мере талантом, чем активностью, что он больше способен обсуждать в совете какой-нибудь вопрос,

чем руководить нашими военными операциями, но, несомненно, он является светочем патриотизма в наиболее чистом виде. Что касается Богарне, то я ничего не скажу о его нравственных качествах. Я согласен даже, что в Учредительном собрании он не играл роли контрреволюционера, но эп дворянин, он происходит из семьи, которая занимала видное место при дворе, и этого достаточно, чтобы помешать мне оказать ему полное доверие. Но я знаю, что Комитет общественного спасения предложил его кандидатуру с полным доверием.

Были моменты, когда я очень сурово судил этот Комитет; но, рассмотрев серьезно его деятельность, я пришел к убеждению, что он искренне желал спасения республики, и невозможно, чтобы люди, занятые выполнением срочных и в то же время многочисленных задач, не подвергались бы неожиданностям. Их надо судить по их трудам в целом, а не за отдельные их действия. Не подумайте, что я проповедую модерантизм, наоборот, я проповедую строжайшую бдительность.

Я нахожу ваше беспокойство по поводу избрания нового министра вполне обоснованным, и не по причине действий этого лица, о которых я не высказываюсь, а по причине его звания; и на его месте я бы на время отказался принять знаки уважения, которые Конвент оказал ему. Но вопрос не в том, что должен делать этот человек, а в том, как надо вести себя, выступая от имени благородного народа. Это поведение отмечено здоровой политикой и разумом. Здесь предлагают послать петицию от парижских секций<sup>17</sup>; я заявляю, что эта мера неполитичная и бесполезная, так как после благородного дела, совершенного парижским народом, петиция умалит его достоинство. Сегодня общественное мнение стоит за нас, и эта победа обеспечивает торжество свободы. В то время, когда злодеи возбуждают департаменты, добиваясь пагубного раскола, вы хотите направить петицию. Нет сомнения, что этот демарш хороший, невинный и чистосердечный.

Но он даст нашим врагам предлог сказать: вы видите, что Конвент не волен назвать того или другого министра, что народ диктует законы. Это было бы новым зародышем раздоров, и правая часть Конвента, которая притворяется бездействующей, тотчас же ухватилась бы за этот предлог.

Я сейчас сказал вам, каким путем можно ослабить ваше беспокойство; вот средство, которое ваше благоразумие и ваши принципы должны указать вам. Обратитесь к общественному мнению, к патриотам Конвента, к членам Комитета общественного спасения. Если существуют факты, говорящие против Богарне, ваши желания будут исполнены.

Если вы пойдете этим путем, общественное мнение, несомненно, восторжествует над всеми партиями. Нам остается лишь присоединиться к патриотам Конвента, не воздвигать им новых препятствий, и я повторяю,

судьба Конвента связана с судьбой народа, его дело полностью отличается от дела тиранов.

Надо меньше обращать внимания на некоторые ошибки, являющиеся результатом человеческой слабости, чем на необходимость для нас объединить в одном центре силы и средства для победы над нашими врагами. Таково мое последнее слово. Обращаться надо только к общественному мнению; если хотите, напишите народным обществам, но не занимайтесь отдельными лицами, не приводите их в отчаяние. Отклоните петицию, которая, возможно, приведет к пагубным последствиям, оживит, быть может, не вполне упраздненные партии. Не будем нарушать царящую среди патриотов счастливую гармонию. Дадим им закончить их работу, создать счастье общества на непоколебимых основах, и я не сомневаюсь в успехе их трудов. Свобода, разум восторжествуют и возможно, что менее чем через полгода все тираны будут уничтожены. (*Аплодисменты.*)

## О КОНСТИТУЦИИ. ПРОТИВ ПРЯМЫХ ВЫБОРОВ НАРОДОМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО СОВЕТА.

Выступление в Конвенте 15 июня 1793 г. <sup>18</sup>

Если с первого взгляда система Шабо кажется соответствующей демократическим принципам <sup>19</sup>, эта иллюзия тотчас исчезает, когда рассматриваешь, каковы должны быть ее результаты — будут ли они в пользу свободы или против нее. Система Комитета рассчитана так, чтобы наилучшим образом сохранить за народом все его права, не утомляя его слишком частым их использованием.

Какова обычно опасность, угрожающая свободе во всех странах? Это слишком большое влияние, которое с течением времени оказывается у Исполнительного совета по одному тому, что в его руках находятся все силы государства, и, непрерывно действуя, он вскоре начинает господствовать над всеми другими властями.

Отсюда постоянная необходимость включать в конституцию средства, противодействующие узурпации влияния со стороны Исполнительного совета.

Отсюда необходимость помешать тому, чтобы он с самого начала не имел того значения, какое имеет национальное представительство.

Отсюда необходимость, чтобы Исполнительный совет не был сразу назначен народом. Если вы не признаете эту систему, вы вскоре увидите,